

О русской революции. Но это касается только повода для ее написания: как и всякий выдающийся текст, «Окаянные дни» говорят прежде всего о самом авторе. На их страницах есть место и дневнику в строгом смысле слова, и воспоминаниям, и вырезкам из газет, и литературной критике, и историческим построениям. Наблюдения и впечатления — а их немало и все они тяжелые — служат отправной точкой для размышлений Бунина, который на свой лад (и иногда гораздо убедительнее историков) приходит к выводу о множественности причин русской революции.

Актуальность «Окаянных дней» сегодня во многом связана с их междужанровым характером. Вот как пишут об этом исследователи Илья Симаковский и Ирина Тосунян: «“Окаянные дни”» еще долго будут претендовать на звание самой цитируемой книги Ивана Алексеевича Бунина, что закономерно. Освященный именем классика текст, несущий неустаревший публицистический заряд, почти обречен быть не просто читаемым, но стать источником фрагментов, широко расходящихся уже по современной публицистике, а главное — по постам и комментариям в соцсетях. Роднят такие фрагменты эффектность, краткость, простота восприятия и возможность обойтись почти без контекста, исключая тот, что у читателя “за окном”».

Это один из немногих вопросов об «Окаянных днях», на который можно ответить точно: в 1918–1919 годах, в два больших периода по несколько месяцев, в Москве и Одессе. Дорога на юг, которую проделал Бунин, была знаковой для большинства русских людей, оказавшихся в итоге в Белом движении, но здесь не все до конца ясно. Во-первых, Бунин не направился напрямую в Добровольческую армию (хотя, безусловно, думал о вступлении в нее), во-вторых, как он не раз проговаривается в «Окаянных днях», часть записей он уничтожил.

История «Окаянных дней» представляется на первый взгляд самой несложной задачей для исследователя: свои дневники Бунин намеренно не редактировал. Впрочем, кажется, не писал он их и с расчетом на публикацию: в «одесской» части есть записи о том, как лучше спрятать дневник и что с ним вообще делать. О его уничтожении Бунин не думал, хотя ведение и хранение такого дневника, вне всякого сомнения, было сопряжено с огромным риском для жизни. На мысли Бунина о том, что кто-то из красных во время обыска находит и читает его дневник, возможно, повлияла работа самого писателя в Осведомительном агентстве (ОСВАГ; о ней будет сказано ниже). Все эти пласты отложились в «Окаянных днях». Пожалуй, уже здесь

¹ Необходимое предуведомление: «Окаянные дни» прочитаны здесь с точки зрения историка — со всеми недостатками и достоинствами такого подхода. Благодарю редакцию «Полки» и лично Льва Оборина за возможность написать об этой великой книге, протоиерея Петра Иванова — за то, что он впервые обратил мое внимание на нее, Юрия Троицкого — за уникальный метод анализа исторических источников личного происхождения (в том числе и дневников), Анатолия Корчинского — за разговоры, которые прояснили многие смыслы.

Н а ч а л ь н и к у Ш т а б а .

Въ дни великой бѣды съ вѣчными слезами, страдающимъ почти три года погребенной намъ родинѣ, Господу Богу угодно было испослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся внутреннія наводныя волненія грозятъ обществу отшатнуться на дальнѣйшее веденіе упорной войны. Сутѣба Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее дологое нашего Отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца. Востокій врагъ направляетъ послѣднія силы и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша совместно со славными нашими союзниками сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жнии Россіи, почли мы долгомъ съединить съ облегчить народу НАШЕМУ тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственнымъ Думомъ, признали мы за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ СЕБЯ Верховную власть. Не желая разстаться съ любимыми. Сыновъ НАШИХЪ, мы передаемъ наслѣдіе НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляемъ Его на вступленіе на Престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ Брату НАШЕМУ править дѣлами государственными въ полномъ и ненаружимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ, на тѣхъ началахъ, кои будутъ имъ установлены, принесъ въ томъ ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываетъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ Нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь ЕМУ, вмѣстѣ съ представителями народа, вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

Г. Псковъ.

22 Марта 15 час. мин. 1917 г.

Министръ Императорскихъ Дѣлъ
Великій Князь Михаилъ Александровичъ

Николай

Манифест об отречении Николая II

уместно сформулировать одну важную идею «Окаянных дней»: их «неотделанный» язык (не говоря уже о содержании) лучше всего отражает события революции. Бунин считал, что любая редактура сгладит первоначальное впечатление, и при этом не всегда полагался на свою память. «Промежуточный» текст между автографом и публикацией, в который Бунин вносил бы правки перед публикацией, на сегодняшний день не известен — судя по всему, дело ограничивалось несколькими перепечатками на машинке. Впрочем, и здесь есть своя тайна: переписанному набело после эмиграции автографу с высокой степенью вероятности предшествовали черновики — и вот они уже, к сожалению, не сохранились.

Кроме «Окаянных дней», есть и собственно «Дневник» Бунина за 1917–1918 годы, выделенный публикаторами в составе полного собрания сочинений (т. 9, М., 2006) в самостоятельный раздел. Однако его связи с «Окаянными днями» все еще не исследованы. Можно только отметить, что начинаются «Окаянные дни» еще задолго до окончания «Дневника», что доказывает их независимый характер как цельного произведения. Вот как комментирует эту сложную текстологическую ситуацию И. И. Жуков, автор примечаний в полном собрании сочинений писателя: «Бунин вел дневники в течение всей своей долгой жизни. Часть их была им уничтожена; другие (одесского периода 1918–1919 годов) закопаны перед отъездом из России. О некоторых своих ранних записях сам он заметил: “Переписано с истлевших и неполных моих заметок того времени”». К сожалению, «Окаянные дни» в собрании сочинений не прокомментированы — как и не включены в академическое издание бунинской публицистики.

КАК ОНА НАПИСАНА?

Здесь начинаются главные загадки «Окаянных дней». По жанру перед нами дневник, но из самого текста следует, что некоторые записи Бунин делал задним числом. Кроме того, он вносил правку и в описание событий одного дня (отсюда многочисленные отчеркивания). Слово «дни» в названии вроде бы отсылает к дневнику, но сам Бунин называет свои тексты «записями», хотя и пытается вести их подѣнно. Но уже во время составления «Окаянных

дней» Бунин понял, что такая, не совсем классическая форма дневника не подходит для того, что должно быть выражено. После этого он едва ли не первым в русской литературе прибегает к монтажному методу, вставляя в записи воспоминания, вырезки из газет, цитаты из разговоров. Никакой связи, кроме хронологической, между разными записями нет, и к редактированию текста Бунин почти не возвращался: ему было важно передать ощущение стихийности революции. При чтении «Окаянных дней» надо помнить, что сам Бунин не знал до конца, с каким новым опытом ему приходилось иметь дело, и искал «средства выражения» прямо здесь и сейчас.

Мы не знаем, когда именно Бунин принял решение об их публикации — между тем это должно было повлиять на форму записей. Впрочем, верно и обратное: если Бунин изначально рассчитывал где-то и когда-то издать «Окаянные дни», значит, он писал их как дневник для других. Жанровая специфика текста (в исследовании которой опять же далеко не поставлена последняя точка) говорит, кажется, в пользу того, что, начиная свои записи, Бунин не думал об их издании: представление о том, что их можно будет использовать как свидетельство, возникает только в Одессе.

Вот как характеризует авторскую позицию по отношению к «Окаянным дням» современный немецкий исследователь Даниэль Риникер: «[Произведение] мыслилось, по-видимому, самим писателем как текст с принципиально открытой структурой, у которого не было четко фиксированного конца. Не менее существенным является и то, что Бунин сам ощущал необыкновенность своего произведения, его гетерогенную сущность».

При всей своей наблюдательности Бунин, однако, не полагался на память и не восстанавливал задним числом записи о продолжительных отрезках времени, когда он не писал: никаких заготовок у него не сохранилось, «Окаянные дни» были сразу чистовиком. Бунин хочет быть правдивым настолько, насколько это возможно, для него принципиально важна эта (историческая) честность перед большевиками, главным грехом которых он считает как раз ложь и обман — и даже сознательное их использование в многочисленных сообщениях о скором крахе нового режима, чтобы выяснить, кто еще сочувствует дореволюционному порядку. В желании создать новый способ для описания «невыразимой» действительности Бунин, как ни странно, сближался с теми — совсем от него далекими — писателями, которые пытались создать особый язык для передачи революции словами и на бумаге.

Революция разрушила не только привычную повседневную жизнь, но и отменила прежние знаковые сущности — это один из истоков такого описательного натурализма. Разрушена знаковость и символичность культурной среды, новые знаки еще не сложились, и Бунину не остается ничего другого, как фиксировать детали.

Исследователи отмечают, что во время создания «Окаянных дней» (и в ближайший год после) Бунин почти не писал художественных произведений. Думается, что одна из возможных разгадок этого молчания — в самом жанре, где при желании можно найти элементы художественного: все-таки напрямую фиксировать реальность иногда не удастся, и как бы опосредованное описание иногда лучше схватывает суть дела (впрочем, верно и обратное: кроме

«Окаянных дней», Бунин почти не пытался описать ужас революции и Гражданской войны в художественных текстах). Кроме того, работа над записями требовала от писателя слишком много времени и сил, и ни на что другое энергии уже не оставалось. Сами «Окаянные дни» лучше всего говорят об этом: «Проснувшись, как-то особенно ясно, трезво и с ужасом понял, что я просто погибаю от этой жизни и физически, и душевно». Отметим при этом, что одним из рабочих названий будущей «Жизни Арсеньева» было «Безымянные записки», все-таки отсылающее к предыдущему опыту.

Есть и еще одна интересная параллель: по словам филолога Людмилы Иезуитовой, Бунин называл «Окаянные дни» «страшным романом» о «гибели земли русской». К сожалению, установить источник цитаты не удастся, но метафора «страшного романа» встречается в контексте записи об «обществе лунов» (20 апреля 1919 года — одна из самых пространств в «Окаянных днях»), восходящем, возможно, к «Бесам» Достоевского. Очень важно упоминание именно «романа» — и как произведения, разворачивающегося в эпоху (в отличие от фрагментированных «дней», подходящих рассказу), и как жанра, долго не дававшегося Бунину. Наконец, он и сам противопоставлял «настоящих» людей в своих произведениях «романным» характерам, тем, которые не знали России и допустили революцию.

«Окаянные дни» выполняли сразу несколько важных для Бунина задач. Прежде всего мы не найдем в них того, что привычно называется «творческой лабораторией писателя». Несмотря на великое множество самых разных впечатлений

и наблюдений, уникальных деталей, которых не встретишь в других свидетельствах (как и несмотря на некоторую неотделанность текста, на что такой писатель, как Бунин, конечно, не мог не обратить внимания), перед нами произведение не только завершенное, но и самодостаточное. Кроме того, возможно, междужанровая форма лучше всего соответствует тому новому содержанию, которое так остро чувствовал Бунин («до чего все старо на Руси и сколь она жаждет прежде всего бесформенности»). Главное же, кажется, в том, что Бунин сознательно создавал новый и уникальный исторический источник.

Сами же записи имели для него, среди прочего, и терапевтическую функцию: события революции он воспринимал крайне болезненно (в «Окаянных днях» он жалуется на ухудшение самочувствия), но другого способа поделиться своими чувствами, кроме ведения дневника, для Бунина не было. Перед первой публикацией (1925–1927) он внес только небольшую правку, чтобы сделать чтение понятнее, но сами записи оставил в прежнем виде: вносить порядок в описание революции он считал невозможным. Впрочем, около половины записей, которые должны были войти в «Окаянные дни», считаются утраченными: Бунин так хорошо спрятал их, что не смог найти перед отъездом из Одессы в январе 1920 года. Можно осторожно предположить, что уже во время создания текста будущих «Окаянных дней» Бунин понимал возможность выделения их в самостоятельное произведение — в отличие от дневников, которые вел в то же время (об их соотношении я скажу чуть ниже).

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

Может показаться странным, но чаще всего упоминаемый (а главное, цитируемый) Буниним писатель — Герцен. Бунин не перечитывал «Былое и думы» в 1918–1919 годах, однако, несомненно, держал их в голове как ориентир для описания своего опыта в постижении исторических событий. Герцен был не только революционером, но и писателем, пытавшимся понять революцию, и уже этим интересовал Бунина. В отличие от Герцена, Бунин никогда не писал о себе как об участнике истории, ему была гораздо ближе позиция наблюдателя, но в «Былом и думах» его привлекала сама идея рефлексии, в которой он находил многие близкие для себя мысли (в частности, об истоках революции). Можно сказать, что Герцен был для

Александр Герцен

Бунина одним из самых «значимых других»: расходясь с ним в ценностях, он отдавал должное его осмыслению русской истории как «включенного наблюдателя».

Нельзя не отметить и еще одну переключку «Окаянных дней» — с «Несвоевременными мыслями» Максима Горького. Несмотря на то что последние сразу предназначались к печати, их тоже отличает предельно личное и пристрастное отношение к революции и революционному насилию. Такое обращение к личному, субъектному и субъективному началу и у Бунина, и у Горького было связано среди прочего с тем, что в это время еще не сложился «объективный», научный язык, которым можно было бы описать революцию. Рискну предположить, что оба таких разных писателя — каждый по-своему — были уверены, что революция всегда обращается к личному и отклик на нее должен быть соответствующим.

Из современных (и типологически близких) текстов у «Окаянных дней» больше всего общего с «Дневником» Александра Бенуа: совпадения касаются и топов — к примеру, порядка (носителями которого также выступают немцы) в противоположность революции, — и, что гораздо важнее, мотивной структуры. И в «Окаянных днях», и в «Дневнике» есть такие мотивы, как необоснованное насилие новой власти, подчинение личности государству и обобществление частной собственности, замещение реальности (роковой) иллюзией. Впрочем, думается, не надо находить общее там, где его не слишком много, — «Окаянные дни» были и остались одним из самых особенных текстов о русской революции.

Наконец, есть и родственник по названию — изданная в одно время с началом

Василий Шульгин

публикации «Окаянных дней», в 1925 году, книга политика Василия Шульгина «Дни». «Дни» как измерение времени указывает на его дробность, мелкий масштаб, противопоставляемый «эпохе» революции. «Дни», конечно, и куда более личное время, чем даже «год» исторических событий — к тому же ни Бунин, ни Шульгин, создавая свои записи, не знали наверняка, доживут ли до завтрашнего дня.

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Некоторый свет на восприятие «Окаянных дней» самим Буниным проливает их первая — газетная — публикация. Выходить они начали в 1925 году в газете

«Возрождение». «Окаянные дни» впервые печатались с большими перерывами в 1925–1927 годах в парижской газете «Возрождение», созданной на деньги нефтепромышленника А. О. Гукасова и задуманной как «орган национальной мысли», в решительной мере в противовес «Последним новостям», единственной в то время серьезной ежедневной газете в «столице» русского рассеяния», — пишет Даниэль Риникер. Это был рассчитанный ход: периодичность выпусков передавала впечатление дневников и даже фрагментарности записей — не говоря уже о том, какую огромную роль в тексте играли газеты. Кроме того, для Бунина и издателей было важно понимать реакцию публики. С многочисленными поправками «Окаянные дни» были переизданы в 1935 году, в десятом томе полного собрания сочинений Бунина, выпускавшегося берлинским издательством «Петрополис». Все последующие издания следуют этому в текстологическом отношении. Вновь слово Даниэлю Риникеру: «Окаянные дни», как и многие другие произведения Бунина эмигрантского периода, имеют ряд трудностей, связанных в первую очередь с генезисом текста, с историей его публикации и с многократной авторской правкой; недоступность архивных материалов и периодических изданий русского зарубежья еще более усложняет дело. Тот факт, что на сегодняшний день не существует ни одного удовлетворительного в текстологическом отношении издания «Окаянных дней», заставляет подробнее рассмотреть творческую историю и текстологические особенности бунинского произведения».

Сам Бунин называл «Окаянные дни» — по крайней мере во время их печатания

в «Возрождении» — «фельетонами». Использование этого слова, разумеется, далеко не случайно. Во-первых, каждый из опубликованных отрывков можно было читать отдельно, без ущерба для понимания (и уже в этом жанровое отличие «Окаянных дней» от дневника). Во-вторых, указание на «фельетонность» акцентирует их характер: «публике нравится, мне это и говорят и из Парижа пишут, главное же — есть немало ядовитого, далеко не скучного», — пишет Бунин Петру Струве. Конечно, и разграничение между отдельными «фельетонами» в номерах «Возрождения» далеко не случайное, и некоторые записи сгруппированы по темам. Размышлениями об истории (с цитатой из «Истории Российской» Татищева) «заканчивается публикация третьего фраг-

Вера Бунина-Муромцева

мента «Окаянных дней» в «Возрождении», а большая часть четвертого содержит суждения Бунина о народе и об отношении к народу, об идеализации и поэтизации народа, в основе которых лежало полное его незнание», — пишет современный исследователь Дмитрий Николаев.

Вскоре, однако, произошло драматическое событие, важное для нашего восприятия «Окаянных дней». Вера Николаевна Бунина-Муромцева писала: «Пришло «Возрождение». Всё хорошо, состав сотрудников хороший. Статья Струве «Освобождение и Возрождение». <...> Статья Карташева. [...] Начались печататься «Окаянные дни». В ее восприятии они как будто включены в контекст газеты с авторскими «статьями», однако при этом стоят все-таки особняком. Но в ее дневнике есть и другая, удивительная, запись — к сожалению, почти не комментировавшаяся буниноведами:

30 июля. <...> Ян разорвал и сжег все свои дневники-рукописи. Я очень огорчилась. «Я не хочу показываться в одном белье». Я спорила с ним. Он увидал, что я расстроилась, сказал:

— В Париже есть рукописи — и они твои. Есть и тетрадь-дневник. Ты можешь после моей смерти показать, если не поверит кто-нибудь в подлинность моего дневника.

— Ну, неизвестно, кто кого переживет, — отвечала я, — теперь мне часто кажется, что я умру раньше тебя.

— Ну, уж тогда я все разорву. Можешь быть покойна.

Мне кажется, это ненормально.

Возьму на себя смелость отметить несколько особенностей этого эпизода. Во-первых, Бунин сжигает рукописи уже после того, как началась публикация «Окаянных дней», — следовательно, их машинопись, с которой они и печатались, уже существовала. Во-вторых, необычна аргументация Бунина («Я не хочу показываться в одном белье»). Можно предположить, что в уничтоженных материалах был какой-то пласт записей, который сам Бунин считал для себя слишком личным — притом что в «Окаянных днях» и так есть установка на предельную откровенность. В-третьих, Бунин упоминает, что в Париже остались рукописи, как-то связанные с «Окаянными днями», которые могут свидетельствовать об их подлинности. Исходя из имеющихся на сегодня биографических материалов, объяснить поступок Бунина мы не можем. Отношения между тремя пластами претекста «Окаянных дней» — уничтоженным автографом, машинописью для газеты «Возрождение» и парижскими рукописями — по-прежнему остаются невыясненными.

Пока что можно наметить только гипотетические контуры контекста: Бунин намеренно долго не публиковал «Окаянные дни», а когда все-таки решился, то начал их печатание таким образом, чтобы последние записи увидели свет в десятилетнюю годовщину революции. Почти несомненно, что при публикации Бунин учитывал эмигрантские реалии («Писатель очень точно указывает на двойственную природу своего произведения: “беллетристика” и “нужное для времени”», — пишет Даниэль Риникер), и в «Окаянных днях» есть проекция на идейные споры между уехавшими из России, выявить ее — также задача будущих исследователей.

«Окаянные дни» стали окончательным прощанием Бунина с дореволюционной Россией — и это, возможно, еще одна причина, по которой он так долго откладывал публикацию, надеясь, что советская власть все-таки падет. Но к 1925 году режим укрепился, появилось новое государство — Советский Союз, и Бунин вполне мог решить, что именно сейчас «Окаянные дни» сыграют свою роль в изображении истинной природы «Совдепии», основанной на революционном насилии. Таким образом, «Окаянные дни» отрезали Бунина не только от прекрасной России прошлого (о ней в самом тексте сказано не так уж много), но и, что гораздо более важно, от самых страшных дней в его жизни и в его биографии как писателя.

Поэтому «Окаянные дни» стали для Бунина и точкой невозврата. По словам литературоведа Павла Матвеева, в Советском Союзе «он уже и так проходил по разряду “идейные белоэмигранты и злостные враги советской власти” — несмотря на то что отдельные его беллетристические произведения издавались в СССР до конца 1920-х». После публикации путь назад был для писателя закрыт (в отличие, скажем, от Александра Куприна и Марины Цветаевой) — ситуация изменилась только после Второй мировой войны, когда Бунина очень хотели залучить в Советский Союз. Наконец, и сам он воспринимал «Окаянные дни» все-таки как целостный, хотя и внежанровый, текст — об этом свидетельствует и слой правок, которые Бунин продолжал вносить в печатный (!) экземпляр вплоть до конца жизни, постоянно возвращаясь не только к своим записям, но, через них, и к событиям революции. Это была, пожалуй, главная функция «Окаянных дней»

как дневника, делавшая возможным вернуться не только к событиям, но и к впечатлению от них.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

«Публикация вызвала мощный резонанс — именно такой, на который Бунин и рассчитывал. Однако резонанс этот ограничивался довольно узкими рамками — русской эмигрантской общины во Франции и еще нескольких европейских странах», — пишет Павел Матвеев. С этой оценкой трудно не согласиться, однако надо отметить, что собственно рецензий или других печатных откликов на книгу почти не было — главное внимание эмиграции привлекли к себе другие произведения Бунина, опубликованные в Париже в то же время, — сборники «Митина любовь» (1925) и «Солнечный удар» (1927). Впрочем, главное было достигнуто: «Окаянные дни» стали ключевой темой для разговоров в русской эмиграции, обозначив предельно четко бескомпромиссную политическую позицию Бунина. В частности, это касалось строгости, с которой писатель придерживался дореволюционного правописания, — набор и печатание его произведений (как, разумеется, и всех других с исключенными буквами и знаками) было делом трудным. Писатель и литературовед Марк Слоним писал за несколько месяцев до выхода первого номера «Возрождения» с «Окаянными днями»:

Надо ли считать символическим то явление, что наиболее крупным представителем литературы эмиграции является писатель не только тоскующий о прошлом, не только

считающий, что России конец, — но и по всему складу своего творчества и своего мировоззрения ни во что не верящий, ничего страстно не чувствующий и посвящающий лучшие свои страницы описаниям безысходности, отчаяния и смертной гибели?

Из-за жесткой и недоброй критики — а также из-за того, что «Воля России», журнал, где публиковался Слоним, печатался по реформированной орфографии, — между ним и Буниным началась полемика.

Однако публикация «Окаянных дней» в десятом томе собрания сочинений издательства «Петрополис» несло уже совсем другую смысловую нагрузку. В этом томе «Окаянные дни» соседствуют с рассказами «Последняя весна», «Последняя осень», «Брань» и очерками «Чехов» и «Толстой». Но это единственный том в собрании сочинений, на обложке которого указано название одного произведения — как раз «Окаянные дни». Таким образом, с точки зрения композиции именно они оказываются смысловым центром книги, вокруг которого располагаются и другие произведения — художественные и публицистические. Они, в свою очередь, создают причудливое обрамление из названий: «последние» весна и осень старой России 1916 года переходят в революционную «брань». «Окаянные дни» же вновь занимают промежуточное положение между ними, при этом не отсылая ни к какой прекрасной России прошлого.

На это далековатое сближение между условной бунинской публицистикой и его художественным творчеством (которое еще нуждается в своих исследователях)

обратил внимание и Владислав Ходасевич: «За эти годы мы стали свидетелями катастрофы, которой девятьсот пятый год был только бледным прообразом. Герои Бунина пережили разгульное торжество, за которое расплачиваются неслыханными страданиями. Той кары, которая выпала на их долю, они во всяком случае не заслужили. Но нельзя отрицать, что бунинская характеристика по существу оказалась верна. Словом, публицистическая сторона бунинской повести оправдана событиями. Но это несчастье — не литературного, а исторического порядка». Напомним, что сам Бунин в «Окаянных днях» тоже писал о Николке Сером из «Деревни» не как о художественном персонаже, а как об историческом типе русского человека:

...Сидит на лавке в темной, холодной избе и ждет, когда подпадет какая-то «настоящая» работа, — сидит, ждет и томится. Какая это старая русская болезнь, это томление, эта скука, эта разбалованность — вечная надежда, что придет какая-то лягушка с волшебным кольцом и все за тебя сделает: стоит только выйти на крылечко и перекинуть с руки на руку колечко!

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

Влияние, которое оказали «Окаянные дни» на восприятие русской революции, Гражданской войны и советской власти, — один из многочисленных парадоксов этой книги. С одной стороны, понятно, что дневниковая форма авторского высказывания не способствует глубокому

и широкому восприятию. Еще одним барьером для знакомства западных читателей с «Окаянными днями» долгое время оставался язык — к примеру, на английский они были переведены только в 1998 году, в США (сразу отмечу, что это издание можно назвать во многом образцовым). Но, с другой стороны, именно в «Окаянных днях» была предпринята первая — и оставшаяся одной из самых серьезных — попытка деконструкции революции и связанных с ней событий.

При всем разоблачительном пафосе в «Окаянных днях» есть место и тонкому и точному анализу, а «анатомический» подход Бунина (речь о нем пойдет впереди) вполне может использоваться как социологический метод. Возможно, Бунин вообще первым детально описал — а главное, попытался понять — насилие как центральный феномен революции. Кроме того, множество его наблюдений бесценны как уникальные штрихи революционного быта. Сошлемся на мнение переводчика «Окаянных дней», одного из крупнейших буниноведов Томаса Гайтона Марулло:

«Окаянные дни» — один из немногих сохранившихся антибольшевистских дневников времен русской революции и гражданской войны. Он воссоздает события с захватывающей непосредственностью. В отличие от произведений ранних советских авторов и эмигрантов, отмеченных самоцензурой памяти, мифологизацией и заботой о политической целесообразности, бунинская правда прочитывается почти как искажение, отклонение от нормы. Кроме того, «Окаянные

1 января (старого стиля)

Кончился этот проклятый год. Но что дальше? Может, нечто еще более ужасное. Даже наверное так.

А кругом нечто поразительное: почти все почему-то необыкновенно веселы, — кого ни встретишь на улице, просто сияние от лица исходит:

— Да полно вам, батенька! Через две-три недели самому же совестно будет...

Бодро с веселой нежностью (от сожаления ко мне, глупому) тиснет руку и бежит дальше.

Нынче опять такая же встреча, — Сперанский из «Русских Ведомостей». А после него встретил в Мерзляковском старуху. Остановилась, оперлась на костыль дрожащими руками и заплакала:

— Батюшка, возьми ты меня на воспитание! Куда ж нам теперь деваться? Пропала Россия, на тринадцать лет, говорят, пропала!

7 января

Был на заседании «Книгоиздательства писателей», — огромная новость: «Учредительное Собрание» разогнали!

О Брюсове: все левее, «почти уже форменный большевик». Не удивительно. В 1904 году превозносил самодержавие, требовал (совсем Тютчев!) немедленного взятия Константинополя. В 1905 появился с «Кинжалом» в «Борьбе» Горького. С начала войны с немцами стал ура-патриотом. Теперь большевик.

5 февраля

С первого февраля приказали быть новому стилю. Так что по-ихнему нынче уже восемнадцатое.

Вчера был на собрании «Среды». Много было «молодых». Маяковский, державшийся, в общем, довольно пристойно, хотя все время с какой-то хамской независимостью, щеголявший стоеросовой прямоотой суждений, был в мягкой рубахе без галстука и почему-то с поднятым воротником пиджака, как ходят плохо бритые личности, живущие в скверных номерах, по утрам в нужник.

Читали Эренбург, Вера Инбер. Саша Койранский сказал про них:

Завывает Эренбург,
Жадно ловит Инбер клич его, —
Ни Москва, ни Петербург
Не заменят им Бердичева.

6 февраля

В газетах — о начавшемся наступлении на нас немцев. Все говорят: «Ах, если бы!»

Ходили на Лубянку. Местами «митинги». Рыжий, в пальто с каракулевым круглым воротником, с рыжими кудрявыми бровями, с свежесбритым лицом в пудре и с золотыми пломбами во рту, однообразно, точно читая, говорит о несправедливостях старого режима. Ему злобно возражает курносый господин с выпуклыми глазами. Женщины горячо и невпопад вмешиваются, перебивают спор (принципиальный, по выражению рыжего) частностями, торопливыми рассказами из своей личной жизни, долженствующими доказать, что творится черт знает что. Несколько солдат, видимо, ничего не понимают, но, как всегда, в чем-то (вернее, во всем) сомневаются, подозрительно покачивают головами.

Подошел мужик, старик с бледными вздутыми щеками и седой бородой клином, которую он, подойдя, любопытно всунул в толпу, воткнул между рукавов двух каких-то все время молчавших, только слушавших господ: стал внимательно слушать, но тоже, видимо, ничего не понимая, ничему и никому не веря.

Подошел высокий синеглазый рабочий и еще два солдата с подсолнухами в кулаках. Солдаты оба коротконоги, жуют и смотрят недоверчиво и мрачно. На лице рабочего играет злая и веселая улыбка, пренебрежение, стал возле толпы боком, делая вид, что он приостановился только на минуту, для забавы: мол, заранее знаю, что все несут чепуху.

Дама поспешно жалуется, что она теперь без куска хлеба, имела раньше школу, а теперь всех учениц распустила, так как их нечем кормить:

— Кому же от большевиков стало лучше? Всем стало хуже и первым делом нам же, народу!

Перебивая ее, наивно вмешалась какая-то намазанная сучка, стала говорить, что вот-вот немцы придут и всем придется расплачиваться за то, что натворили.

— Раньше, чем немцы придут, мы вас всех перережем, — холодно сказал рабочий и пошел прочь.

Солдаты подтвердили: «вот это верно!» — и тоже отошли.

О том же говорили и в другой толпе, где спорили другой рабочий и прапорщик. Прапорщик старался говорить как можно мягче, подбирая самые безобидные выражения, стараясь воздействовать логикой. Он почти заискивал, и все-таки рабочий кричал на него:

— Молчать побольше вашему брату надо, вот что! Нечего пропаганду по народу распускать!

К. говорит, что у них вчера опять был Р. Сидел четыре часа и все время бессмысленно читал чью-то валявшуюся на столе книжку о магнитных волнах, потом пил чай и съел весь хлеб, который им выдали. Он по натуре кроткий, тихий и уж совсем не нахальный, а теперь приходит и сидит без всякой совести, поедает весь хлеб с полным невниманием к хозяевам. Быстро падают люди!

Блок открыто присоединился к большевикам. Напечатал статью, которой восхищается Коган (П.С.). Я еще не читал, но предположительно рассказал ее содержание Эренбургу — и, оказалось, очень верно. Песенка-то вообще не хитрая, а Блок человек глупый.

Из горьковской «Новой Жизни»:

«С сегодняшнего дня даже для самого наивного простеца становится ясно, что не только о каком-нибудь мужестве и революционном достоинстве, но даже о самой элементарной честности применительно к политике народных комиссаров говорить не приходится. Перед нами компания авантюристов, которые ради собственных интересов, ради промедления еще на несколько недель агонии своего гибнущего самодержавия, готовы на самое постыдное предательство интересов родины и революции, интересов российского пролетариата, именем которого они бесчинствуют на вакантном троне Романовых».

Из «Власти Народа»:

«Ввиду неоднократно наблюдающихся и каждую ночь повторяющихся случаев избиения арестованных при допросе в Совете Рабочих Депутатов, просим Совет Народных Комиссаров оградить от подобных хулиганских выходок и действий...»

Это жалоба из Боровичей.

Из «Русского Слова»:

Тамбовские мужики, села Покровского, составили протокол:

«30-го января мы, общество, преследовали двух хищников, наших граждан Никиту Александровича Булкина и Адриана Александровича Кудинова.

По соглашению нашего общества, они были преследованы и в тот же момент убиты».

Тут же выработано было этим «обществом» и своеобразное уложение о наказаниях за преступления:

— Если кто кого ударит, то потерпевший должен ударить обидчика десять раз.

— Если кто кого ударит с поранением или со сломом кости, то обидчика лишить жизни.

— Если кто совершит кражу или кто примет краденое, то лишить жизни.

— Если кто совершит поджог и будет обнаружен, то лишить того жизни.

Вскоре были захвачены с поличным два вора. Их немедленно «судили» и приговорили к смертной казни. Сначала убили одного: разбили голову безменом, пропороли вилами бок и мертвого,

раздев догола, выбросили на проезжую дорогу. Потом принялись за другого...

Подобное читаешь теперь каждый день.

На Петровке монахи колют лед. Прохожие торжествуют, злорадствуют:

— Ага! Выгнали! Теперь, брат, заставят!

Во дворе одного дома на Поварской солдат в кожаной куртке рубит дрова. Прохожий мужик долго стоял и смотрел, потом покачал головой и горестно сказал:

— Ах, так твою так! Ах, дезелтир, так твою так! Пропала Россия!

7 февраля

Во «Власти Народа» передовая: «Настал грозный час — гибнет Россия и Революция. Все на защиту революции, так еще недавно лучезарно сиявшей миру!»

Когда она сияла, глаза ваши бесстыжие?

В «Русском Слове»: «Убит бывший начальник штаба генерал Янушкевич. Он был арестован в Чернигове и, по распоряжению местного революционного трибунала, препровождался в Петроград в Петропавловскую крепость. В пути генерала сопровождали два красногвардейца. Один из них ночью четырьмя выстрелами убил его, когда поезд подходил к станции Оребеж».

Еще по-зимнему блестящий снег, но небо синее ярко, повесенному, сквозь облачные сияющие пары.

На Страстной наклеивают афишу о бенефисе Яворской. Толстая розово-рыжая баба, злая и нахальная, сказала:

— Ишь, расклеивают! А кто будет стены мыть? А буржуи будут ходить по театрам! Им запретить надо ходить по театрам. Мы вот не ходим. Все немцами пугают, — придут, придут, а вот что-й-то не приходят!

По Тверской идет дама в пенсне, в солдатской бараньей шапке, в рыжей плюшевой жакетке, в изорванной юбке и в совершенно ужасных калошах.

Много дам, курсисток и офицеров стоят на углах улиц, продают что-то.

В вагон трамвая вошел молодой офицер и, покраснев, сказал, что он «не может, к сожалению, заплатить за билет».

Перед вечером. На Красной площади слепит низкое солнце, зеркальный наезженный снег. Морозит. Зашли в Кремль. В небе месяц и розовые облака. Тишина, огромные сугробы снега. Около артиллерийского склада скрипит валенками солдат в тулупе, с лицом точно вырубленным из дерева. Какой ненужной кажется теперь эта стража!

Вышли из Кремля — бегут и с восторгом, с неестественными ударениями кричат мальчишки:

— Взятие Могилева германскими войсками!

8 февраля

Андрей (слуга брата Юлия) все больше шалест, даже страшно.

Служит чуть не двадцать лет и всегда был неизменно прост, мил, разумен, вежлив, сердечен к нам. Теперь точно с ума спятил. Служит еще аккуратно, но, видно, уже через силу, не может глядеть на нас, уклоняется от разговоров с нами, весь внутренне дрожит от злобы, когда же не выдерживает молчанья, отрывисто несет какую-то загадочную чепуху.

Нынче утром, когда мы были у Юлия, Н. Н. говорил, как всегда, о том, что все пропало, что Россия летит в пропасть. У Андрея, ставившего на стол чайный прибор, вдруг запрыгали руки, лицо залилось огнем:

— Да, да, летит, летит! А кто виноват, кто? Буржуазия! И вот увидите, как ее будут резать, увидите! Вспомните тогда вашего генерала Алексева!

Юлий спросил:

— Да вы, Андрей, хоть раз объясните толком, почему вы больше всего ненавидите именно его?

Андрей, не глядя на нас, прошептал:

— Мне нечего объяснять... Вы сами должны понять...

Содержание

Предисловие «Полки»	5
Окаянные дни.....	31
<i>Москва, 1918 г.</i>	33
<i>Одесса. 1919 г.</i>	67
Источники иллюстраций.....	165